

СИНЯЯ НОЧЬ

РАССКАЗ

тогда и гульем на радостях. Начальник весь запас спирта выставит. — Казakov косился на Ивана и встречал его холодный, тяжелый взгляд. Понимал, друга тяготят какие-то несельские мысли. А какие, Николай не мог придумать. Конечно, цирковой не легко найти, но они найдут его обязательно. Не сразу же все в руны дается. Встречаются же здесь кристаллы, то и залежи где-то таится. Кто ищет, тот всегда найдет...

— Завтра я пойду через горный перевал, а ты по маршруту. — заговорил Суровцев, не глядя на Николая. — Там за перевалом я попытаюсь пошариться. Через две недели встретимся на этом месте и поведем бабки... А теперь заправимся чаем и примем горизонтальное положение...

Сухой смолотый воздух. Сосны, строгие и разлапистые, хмуро смотрят в серое небо. Дорог нет. Под ноги то и дело падают стволы погибших деревьев, камни. Перевал кажется близким, но вот каулы вторые сутки, а путь не окончен. За горами лежит в болотистой низменности безымянная речка. Там должен быть цирковой. Это взбадривает, помогает преодолеть тяжесть пути. С сумерками появляются мириады комаров. Ноги от усталости немеют, становятся непослушными. Но Иван торопится, потому идет ходко. Рюкзак нестерпимо тянет к земле. Руки словно отделили от плеч. Деревья, равнодушные к человеку, неохотно уступают метр за метром, смыкаясь за спиной, как бы говоря: назад хода нет. Но что все трудности по сравнению с мечтами о будущем. Оно представляется высокой горой в солнечных лучах...

К вечеру третьего дня обрушился дивен. Зашумела тайга. Наполнилась таинственными звуками, запахом смолы. Каждое дерево стало похожим на неуклюжее ворчливое чудовище.

Иван не сбавлял шагу, хотя путь становился трудней и трудней. Неожиданно сосны расступились, и Суровцев увидел множество огромных лобастых камней. Они будто стоют овец в непогодь скучились, жалась друг к другу, стараясь согреться. За камнями начинался перевал. Идти только напрямую. Так быстрей. В обход много времени потеряешь. Ивану не терпелось быстрей добраться до заветной речки. Камни мрачно блеснули в скороспелых огнистых молниях. Иван вскарабкался на один камень, тихонько перебрался на другой, с трудом удерживая равновесие. Следующим оказался камень поменьше. На него можно прыгнуть. Поверхность камня ослизла, и Суровцев не удержался, покачнулся и хотел руками упереться в другую, но полетел навзничь в жуждую расщелину, обдавшую сразу же сыростью, палой хвоей и сильным до-

ждем. Одновременно пронзла боль, охнула все тело, и в глазах закружились желтые, красные, зеленые спирали. Отлежался немного, чувствую, как дождь сточит по лицу, освободился от рюкзака и попытался встать. Но боль снова пронзла ногу.

«Сломал! — окачательно убедился Иван Суровцев. — Еще этого не хватало!». Он один под покровом зыбкой тьмы, в сплошном дождевом потоке со сломанной ногой. С Галиной, с Николаем Казakovым, да и со всем миром его сейчас разделел океан глухо шумящих сосен, лихт и кедров.

Навалился страх на Ивана Суровцева черно-серым тяжелым пространством, поднял под себя как старую изношенную бурку, вцепился в сердце жареными клещами: не выйти из этого мрачного глухого мира, никто не пойдет на поиски, а пока спохватятся, ему будет каюк. Иван до боли в висках закружил, закрутил головой, стараясь избавиться от полонящего его ужаса, застонал. Перед глазами отчетливо прошли начальник отряда, излазивший вдоль и поперек алтайскую тайгу, веселый, неунынный Колька Казakov, Галя и ее отец, пасечник, пропахший травами и медом, как лесоруб древесной смолой.

При воспоминании о людях стало чуть легче, и он уцепился за эту мысль. Думал уже об умершей матери, о погибшем в войну отце, о толстой официантке, у которой часто ночевал и кормился в годы учения.

— Вот тебе, товарищ Суровцев, и цирковой вместе с гафнем. Можешь сгинуть в этой глухомани. И имени твоего никто не вспомнит. — заговорил Иван вслух, все по той же причине — избавиться от страха. — Не-е-е-т... Черта-а-а с два-а-а... Пропаша, ничего не получив? Дудки... — Суровцев стиснул зубы и, собрав всю волю, подтянулся на руках к вершине камня и одним махом перебрался на другую сторону. Боль снова пронзла все тело, и он потерял сознание...

Приходило сознание, утихла боль в ноге, и Суровцев снова двинулся в обратном направлении. Ему бы добраться до места встречи, а там Колька вернется и не оставит его в беде.

Потом, миновав камни, он отыскал рогатину, подладил ее вместо костыля и, держа больную ногу на весу, заковылял тихо и осторожно.

Из рюкзака выбросил все лишнее, оставил только еду. Расшвырял и те кристаллы, что попадались в редких случаях. Когда сумерки полностью затопили тайгу, он привалился спиной к корявой сосне и сделал передышку. Опера руками. Неловко сидеть. Ага, кривулинка попалась! Ведь можно разжевать костер! Как это будет кстати! С огнем человеку не страшно. Иван стал собирать прутья, палый лист, хвою и складывать в кучу. Делал это с такой старательностью и осторожностью, будто от огня зависела дальнейшая судьба. Из карманов рюкзака выбрал всю бумагу, какая была, достал последний кусочек сухого спирта и разжег костер. Маленький огонек занялся, затрещал, и быстро запало домовитым теплом. Кругом ночь, притихший дождь, задремавшая тайга, а Иван у огня, словно в ярко освещенном шалаше сидит и наклоняется в разные стороны, подгребают к себе все, что может гореть...

Последние километры одолевал больше по инерции: перед глазами туманилось, земля уходила из-под ног, напрягась, тасил боль в ноге, в руках, ступал в черную пропасть, ожидая улечь в нее, но здоровая нога находила опору. Боюсь упасть и потерять остатки сил, беспрестанно твердил: «Идти... идти... и все к чертям, теперь...».

Очулся Суровцев в машине. Он лежал на чем-то мягком и шуршащем. По-видимому, под одеялом была солома. Рядом сидела Галя и заботливо придерживала его за плечи. Девушка увидела, что больной раскрыл глаза, улыбнулся обрадованно и склонилась к нему:

— Ничего, милый, не беспокойся, — горно запела Галя, — скоро будешь в городе. Вот увидишь, мы скоро вместе пойдем в горы...

Она сидела к нему боком и Иван хорошо видел ее губы, яркие, налитые, с легким пушком у уголков рта. Он различил ее глаза, радостные, темные, с длинными ресницами и прямыми бровями. Ивану захотелось нестерпимо и жадно, чтобы она была всегда рядом с ним, каждый день, не расставаться с ней ни на одну минуту.

— Как ты? — спросил он, единственно желая услышать ее голос.

— Хорошо. Я подала документы в

институт. Скоро тоже буду владеть медалью. — глаза девушки залучились слезоточиво.

Иван испугался такой уверенной и самообабенной любви к горам, к походам, не приносящих человеку успеха. Он дождался паузы и заговорил:

— послушай меня и послушайся, Галя. Возьми документы назад. Нам хорошо будет и без гор. У меня нечто есть... Скопил...

На выбоне машину тряхнуло, и Иван стиснул зубы, скрывая боль. Он ждал ответа и боялся его. Но, или не поняв, или стараясь не понять, она опять близко склонилась к самому уху и скороговоркой ответила:

— Поправляйся, Ванечка, и не бойся. Я сильная — выдержу. Мы найдем цирковой. Столько, что хватит объехать всю вселенную! Вот увидишь, Ваня, А вот и город...

Хорошо запомнилась синяя ночь, вздрагивающие звезды, теплые губы, с дивноватым блеском глаза.

Дымился молодой зеленой рассвет. Свежий воздух, гасили неохотно звезды. На машину кидался, то прохладный ветер, то теплый, он торопил волосы девушки и та их кидала со лба небрежным махом руки. А когда к машине вилотную придвинулось былинное серое здание, Иван торопливо стал просить:

— Галочка, милый, мне без тебя трудно будет... Переведись, еще не поздно... А Галя?

— Ну, зачем так? Вот тебе мой адрес, напиши. Я отвечу. Не потеряй. До встречи!

Пока снимали с машины, укладывали на носилки, Иван неотрывно смотрел на Галя и ждал, что вот она сейчас обернется к нему с улыбочкой и скажет: я заберу документы. Но она лишь приветливо помахала ему рукой.

— Так. Все к чертям. Не хочу «терять свою жизнь без оглядки...». Я же бродяга...

Иван не сберег адреса. Об этом и не жалел. Встреч тоже не искал. Он навсегда отказался от гор, от тайги, убежал от своей мечты. Пожил в городе с одной женщиной, потом сошелся с продавщицей, поселился в ее доме, но она его вдовольте прогнала: завяв: нытик ты несусветный, скучно с тобой — уехал на полустанок и стал встречать и провожать поезда, не находя и в том утешения.

Теперь вот снова встретил и снова поверил: были Галкины глаза, синяя ночь и мечта. Суровцев захотелось пойти куда-нибудь и людям и рассказать им о своей ошибке. Захотелось ему впервые высказаться. Но знал: пойти некуда. Оттого горько на душе: лежал на кровати не размыкая глаз, будто боялся увидеть ушедшее и потерянное сейчас, наяву.

Редактор А. И. ЛАКИСОВ.

// Ленинский шахтёр, 1972, 8 июля, с. 4.